

УДК 81'33

Особенности референциального манипулирования в современном политическом дискурсе Таджикистана

Усмонов Рустам Ахмаджонович

Доктор филологических наук,
ректор Института повышения квалификации и переподготовки
работников сферы образования Согдийской области;
735700, Таджикистан, Худжанд, ул. Сырдарьинская, 25;
e-mail: us.rustam59@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена таким особенностям политического дискурса, как неточность референции и референциальное манипулирование на примере дискурса официального Таджикистана. Использование слов неточной семантики, вследствие их референциальной неопределенности, допускает широкий «разброс» в интерпретациях, что позволяет формировать из данных лексем фантомные картины. *Эвфемизмы* применяются для сокрытия правды об отрицательных сторонах денотата. Так, эвфемистично могут сообщаться новости об экономическом упадке в стране; просьба об экономической помощи. Крайняя бедность таджикского народа описывается в терминах предотвращения расточительства. Эвфемизация представляет собой стратегию затушевывания нежелательной информации, которая позволяет приглушить, сделать менее очевидными неприятные факты. Общая схема синекдохического эвфемизирования такова: Таджикистан не называется, но подразумевается при описании стран, которые остро нуждаются в помощи мирового сообщества. В годы борьбы за власть дискурс Эмомали Рахмона отличался обилием дисфемизмов по отношению к оппозиции и развязанной ею гражданской войне. Современный официальный Таджикистан, с его политикой «открытых дверей», мало использует дисфемизацию, так как он потенциально не имеет противников, кроме «общемировых угроз» типа наркобизнеса, терроризма и т.д.

Для цитирования в научных исследованиях

Усмонов Р.А. Особенности референциального манипулирования в современном политическом дискурсе Таджикистана // Язык. Словесность. Культура. 2017. Т. 7. № 4-5. С. 28-38.

Ключевые слова

Язык, политика, политическая лингвистика, политический дискурс, эвфемизм, дисфемизация, тайна, намек, таджикская политика.

Введение

Эвфемия и дисфемия – это особые стратегии использования лексики, которые составляют часть более широкой коммуникативной стратегии косвенности. Некоторые наиболее яркие черты косвенности в политическом дискурсе современного Таджикистана мы осветили ранее, теперь кратко остановимся на стратегиях эвфемизации и дисфемизации, являющих собой два взаимосвязанных способа скрытого воздействия на аудиторию.

Эвфемизмы и дисфемизмы могут быть соотнесены с двумя риторическими стратегиями политического дискурса – стратегиями мобилизации и демобилизации общественного мнения. Первая употребляется теми политиками, для которых важно и приоритетно изменение существующего положения дел. «При этой стратегии политические события представляются в драматическом виде, а положение – как ужасное, требующее решительных действий. Эта стратегия «ищет виновных», используя отрицательно-оценочные номинации» [Михальская, 1996, 151]. При стратегии демобилизации «ситуация подается как нормальная, хотя и сложная, а события как естественно идущие своим чередом, требующие терпения от членов общества. Эта стратегия применяет эвфемизмы и избегает указания в речи на конкретных виновников или ответственных за происходящее» [там же, 152].

Эвфемизация в характеристике политической и экономической ситуации в Таджикистане

Эвфемизм – антиинвектива, он основан на преуменьшении степени отрицательного признака или на переключении оценочного знака с отрицательного на положительный. Говорить эвфемистично – значит использовать язык в качестве щита против объекта, вызывающего страх, неприязнь, гнев и презрение. Эвфемизмы применяются для сокрытия правды об отрицательных сторонах денотата.

В прагматическом плане эвфемизация связана с отступлением от максимы образа действия (четкости и ясности изложения) [Lakoff, 1995]. Это стратегия сокрытия ненужной и вредной информации, которая позволяет завуалировать, затушевать нежелательные факты. В работе Р. Дентона и Г. Вудварда политическая эвфемистика связывается с понятием мистификации. Мистификация через передефинирование (*mystification by redefinition*) представляет собой использование номинаций, «затрудняющих нашу способность схватывать суть политических событий», «погружая описание событий в словесный туман» [Denton, Woodward, 1985]. Это весьма распространенный прием как в политическом дискурсе современной России, так и в дискурсе официального Таджикистана.

Так, эвфемистично могут сообщаться новости об экономическом упадке в стране: «Сильные морозы минувшей зимы нанесли экономике нашей страны ущерб более чем на 2 миллиарда 900 миллионов сомони, и это создало **определённые трудности для выполнения**

макроэкономических показателей на предусмотренном уровне» [Дипломатия Таджикистана, 2009, 130]. Здесь используется такой прием эвфемизации, как преуменьшение степени признака (сужение объема референции), а также квантор неопределенности *некоторые*. Использование эвфемизма «определённые трудности для выполнения макроэкономических показателей» для замещения слов *бедность, голод* скрывает правду об отрицательных сторонах жизни Таджикистана, заменяя ее лексикой с размытой семантикой.

Так же эвфемистично может быть выражена просьба об экономической помощи: «Для сдачи в эксплуатацию 2 агрегатов, то есть первой очереди ГЭС «Рогун», по подсчётам международных специалистов и экспертов необходимо примерно от 500 до 600 миллионов долларов США. Мы намереваемся с будущего года выделять за счёт государственного бюджета на строительство этой станции около 100 миллионов долларов США. **Если мы хорошо постараемся**, то в течение 2-3 лет, используя передовую технологию, мы сможем сдать в эксплуатацию первую очередь Рогунской ГЭС» [там же, 133]. За эвфемизмом «если мы хорошо постараемся» скрыта интенция просьбы об экономической помощи бедной стране, которая сама не в состоянии осилить строительство ГЭС; однако эвфемизация придает просьбе такой уровень имплицитности, что просьба о помощи по содержанию выглядит по форме обещанием справиться самостоятельно. Подобная интенция содержится в указании на невозможность замкнутого функционирования экономических систем: «Существование либо попытки пролонгации жизни замкнутых **систем стабильных, не поддающихся конверсии экономических ценностей**, к сожалению, не оказались жизнеспособными» (Т. Назаров) [Дипломатия Таджикистана, 2006, 130].

Крайняя бедность таджикского народа описывается в терминах предотвращения расточительства: «Работу в этом направлении надо наладить таким образом, чтобы **избежание расточительства, ненужных расходов и показухи во всех сферах жизни**, в том числе в расходовании электричества, тепла, воды и газа, стало нормой повседневной нормой и составной частью семейной культуры нашего культурного народа» [Дипломатия Таджикистана, 2009, 134]. Вместо признания бедности, неспособности экономики страны обеспечить достойный уровень жизни граждан, вместо признания тяжелых или невыносимых условий жизни населения применяется семантический эллипсис, эвфемистическое описание бедности как *не-расточительности*, недостатка во всех сферах, в том числе коммунальной, – как *не-показухи* и отсутствия *ненужных расходов*. Снимая негативное восприятие, эвфемизм переключает оценочный признак с отрицательного на положительный, это своего рода ложь политической выгоды, выставяющая положение в экономике и социальной сфере страны в лучшем свете. Это попытка скрыть экономико-социальное бедствие за терминами самоограничения.

Невозможность существенного повышения оплаты труда учителей спрятана за эвфемистичной формулировкой: «Для повышения социальной защищённости работников отрасли **намечено совершенствование системы ставок их заработной платы**» [там же, 139]. Это

соответствует стратегии демобилизации общественного мнения, когда ситуация подается хотя и сложная (работники отрасли социально не защищены), но естественно идущая своим чередом, и даже как бы исправляемая. При этом используется затемнение внутренней формы эвфемистического наименования, затрудняющее его расшифровку и соотнесение с исходной номинацией: «совершенствование ставок» не обязано означать их повышение, а статус «намечено» говорит о том, что это «совершенствование» не близко.

Крайне низкий уровень зарплат и пенсий описан эвфемистично, краски смягчены: «Хотя за два последних года в нашей стране средняя зарплата увеличилась почти в полтора раза, а социальная пенсия – на 50 процентов, это пока ещё нельзя **назвать удовлетворительным**» [там же, 141]. Риторика политика вызвана стремлением скрыть остроту социальных проблем, представить их как несущественные, чтобы снять возможность социального конфликта.

Снижается острота и при описании юридической безграмотности таджикского населения: «... правовой кругозор граждан нашей страны в вопросах защиты прав и свобод, своих законных интересов, уважения и неукоснительного соблюдения законов является **всё ещё неудовлетворительным**» [там же, 143]. При произнесении данных слов на международном уровне очевидна интенция представить население страны в выгодном свете, привлечь на свою сторону возможных союзников.

Сексуальное просвещение и прерывание беременности, рассматриваемые с законодательной точки зрения, охарактеризованы описательно: «Как видим, идея **планирования семьи** никак не противоречит предписаниям религии. В большинстве исламских стран это дело уже давно практикуется, а в некоторых государствах, как в Исламском Государстве Иран, по этому вопросу достигнуты заметные успехи» [Рахмонов, 2004, т. 4, 190].

Более того, периодически официальный Таджикистан описывает ситуацию в стране в терминах полного оптимизма: «Все мировое сообщество является свидетелем того, каких **успехов** мы достигли во всех областях жизни на данном этапе развития нашего государства» [там же, т. 3, 20]. Бедственное положение таджикского народа, имеющего низкий уровень зарплат и образования, социальных льгот, представляется фактически как полное процветание, *успехи*. Это связано с интенцией доказать положительную роль правительства в жизни страны.

По мнению Д. Кристала, именно политический дискурс, наряду с рекламным, в наибольшей степени приспособлен для того, чтобы приукрашивать действительность и скрывать истинное положение дел [Crystal, 1995]. Есть все основания считать тенденцию к эвфемизации одной из прагматических закономерностей функционирования политического языка. Эвфемизация представляет собой стратегию вуалирования, затушевывания нежелательной информации, которая позволяет приглушить, сделать менее очевидными неприятные факты, и это в полной мере проявляется в предпринятой выборке цитат из записей политического дискурса Таджикистана.

Отдельно хотелось бы остановиться на своего рода синекдохическом эвфемизировании образа Таджикистана, регулярно предпринимаемом в политическом дискурсе страны. Общая схема такова: Таджикистан не называется, но подразумевается при описании стран, которые остро нуждаются в помощи мирового сообщества. Умолчание названия страны является эвфемистическим ходом, рассчитанным на догадку.

Приведем цитаты такого рода.

1) **«Страны, находящиеся в переходном состоянии, слабо подготовленные к экономическим условиям открытого рынка и острой конкуренции, понесут в такой ситуации наибольший ущерб»** [Дипломатия Таджикистана, 2009, 131] – эвфемизм служит средством избежать потери лица;

2) «... хотя сегодня мы гордимся культурным наследием, сохраняем каждый древний экспонат в крупнейших музеях мира, пропагандируем разнообразие языков и культур народов и регионов планеты в качестве уникального исторического явления, тем не менее пока не найден универсальный способ защиты разнообразия культур в условиях глобализации. Эта проблема вызывает **серьезную озабоченность у тех наций и государств, которые обладают древней и богатой цивилизацией и в настоящее время прилагают последовательные усилия по ее развитию»** [Дипломатия Таджикистана, 2005, 9] – эвфемистически описывается желаемая картина культурного развития Таджикистана;

3) «Особое внимание в этих планах должно быть уделено вопросам, представляющим интерес для **наименее развитых стран**, малых островных государств, а также стран с переходной экономикой и **внутриконтинентальных стран**. Необходимо откровенно признать, что **этим группам стран без привлечения внешней помощи и инвестиций будет весьма трудно достичь целей обеих фаз Саммита по вопросам информационного общества»** [там же, 91] – эвфемизация служит целям умолчания о бедственном положении конкретно Таджикистана, подводя его под целый разряд стран;

4) «по нашему убеждению, **поддержка бедных и беднейших стран** должна стать главной задачей второй половины Международного десятилетия действий «Вода для жизни» [Дипломатия Таджикистана. Ежегодник-2008, 2010; 183] – страна также становится объектом эвфемизации; таджикский лидер говорит как бы не о Таджикистане, а о целом ряде стран; такой скрытый способ просьбы об экономической помощи позволяет политику не терять лицо;

5) «Неустойчивая мировая финансовая система, оказывающая влияние и на финансовый рынок, и на реальный сектор экономики, нанесла **значительный ущерб развивающимся странам**. В них наблюдаются сокращение притока капиталов и ослабление темпов экономического развития и получения доходов» [Дипломатия Таджикистана, 2010, 223] – включение в эвфемизм полисемантического выражения *развивающиеся страны* служит как цели вызвать сочувствие подразумеваемой стране (как мало развитой), так и цели указать на усилия страны по *развитию* своего потенциала;

6) «...учитывая **огромную задолженность развивающихся стран**, им следует **оказывать помощь** на основе грантов или льготных кредитов» [Дипломатия Таджикистана. Ежегодник-2008, 2010; 223] – по форме это призыв к помощи *другим* странам, но по существу представляет просьбу о помощи Таджикистану;

7) «... мы ожидаем, что ввиду негативного воздействия мирового финансового кризиса развитые страны докажут свою приверженность приоритетам Монтеррейского Консенсуса и продолжат свои усилия по **сокращению разрыва между странами** и неравномерного экономического развития отдельных развивающихся государств мира» [там же, 223] – здесь эвфемистически «закодирован» не только Таджикистан, но и экономическая помощь, которая представлена как *сокращение разрыва между странами*.

Употребление политического эвфемизма позволяет высветить «антиценности», обозначить координаты социального зла. Эвфемизируются наименования явлений, о которых напрямую говорить неудобно или стыдно, так как они представляют собой отход от кодекса ценностей, воплощение социально неприемлемого, стигматичного. Эвфемизмы как бы меняют природу означаемого, устраняя неприятный факт путем изменения способа его описания. Это своего рода языковая мистификация.

Расшифровывая эвфемистическое высказывание и восстанавливая истинный денотат, мы одновременно расшифровываем и содержащуюся в нем имплицатуру (выводим констатацию подразумеваемых ценностей). Таким образом, в эвфемизме, по сравнению с исходным, «табуируемым» (в широком смысле) наименованием снимается коннотация социальной неприемлемости. Говорить о бедности собственной страны стыдно и неприятно, однако если поставить ее в ряд ей подобных и указать на необходимость помощи беднейшим странам, то такая позиция выглядит более чем достойно.

Дисфемизация как принижение денотата

При дисфемизации действует аналогичный эвфемистическому механизм референциального сдвига, используются те же типы семных трансформаций. Основным отличием является направление оценочного варьирования: от нейтрально-объективной констатации факта к пейоративу или от умеренно-негативной квалификации к гиперболическому пейоративу.

Дисфемизм – это инвектива, основанная на гиперболизации отрицательного признака или замене положительного оценочного знака на отрицательный. Говорить дисфемистично – значит употреблять язык в качестве оружия для атаки на «врага». Дисфемизмы мотивируются стремлением принизить денотат, их цель – сформировать восприятие объекта как подозрительного и нежелательного, квалифицировать его так, чтобы вызвать неприязнь, отвращение или ненависть.

Дисфемизация может использоваться при характеристике каких-либо недостатков внутренней жизни страны: «Анализ показывает, что значительная часть научно-

исследовательских институтов за последние годы вообще не добились никаких заметных научных достижений, а отраслевые институты некоторых министерств и ведомств **существуют только на бумаге**» [Дипломатия Таджикистана, 2009, 140]. Ритор драматизирует ситуацию, использует гиперболу для усиления воздействия.

В годы борьбы за власть дискурс Эмомали Рахмона отличался обилием дисфемизмов по отношению к оппозиции и развязанной ею гражданской войне: «Наша любимая родина превратилась **в полигон убийств**, наш дом подвергся разрушению, вместо празднеств мы справляем похороны. Таджики стали беженцами на своей земле, **таджик стал бояться таджика**» [Рахмонов, 2004, т. 1, 13]. Дисфемизм, как и эвфемизмы, ориентирует слушателей на базовую семантическую оппозицию «свой – чужой»; он дает оппозиционерам облик *врагов народа*. Апеллируя к базовым, высшим ценностям мира и дружбы, вернее, к их нарушению, ритор подавляет рационально-критическое восприятие аудитории.

Эволюция политических взглядов оппозиции прочитывается как *хамелеонство*: «Вдумываясь в трагедию, которая произошла в нашем обществе, нельзя не обратить внимание на феномен **политического хамелеонства**, присущий лидерам этих партий и движений, которые постоянно **меняли свой идеологический камуфляж** в зависимости от конъюнктуры борьбы за власть» [там же, 22]. То, что могло бы оцениваться как *гибкость*, оценивается как *хамелеонство* и *камуфляж* в применении к лагерю оппозиции.

Сами оппозиционеры характеризуются в привычных для советского дискурса формах дисфемии: «выдвиженцы **так называемого** исламско-демократического альянса, **густо замешанного на клановоместнических интересах**» [там же, 23]; они «**бросили в костер** гражданской войны десятки тысяч людей и готовы были **биться до последнего таджика** с обеих сторон ради неуместного желания установить исламский режим» [там же, 27]. «Наш благоухающий и процветающий край они превратили в **арену братоубийственной войны и разрушений**» [там же]. Мистификация дисфемии связана с опеллированием к аффективно окрашенным словам и понятиям, что подавляет рациональное восприятие и позволяет видеть в оппозиционерах только врагов.

Впоследствии, с ослаблением позиций оппозиции, дисфемия стала редко употребляемой стратегией. В целом официальный Таджикистан, с его политикой «открытых дверей», мало использует дисфемизацию, так как он потенциально не имеет противников, кроме «общемировых угроз» типа наркобизнеса, терроризма и т.д.

Тайна и намек в политическом дискурсе Таджикистана

Другой важной особенностью политического дискурса, имеющей отношение к его истинности, является *тайна*. В то же время политическая власть в современном открытом обществе осуществляется в процессе массовой коммуникации, что по большому счету с тайной несовместимо.

Специфика тайноречия в политическом дискурсе заключается не в языке политики как таковом, большинство знаков которого являются широко известными, общедоступными для понимания, а в самом характере общения. Другими словами, эзотеричность политического дискурса – не семантическая, а прагматическая характеристика.

В политическом дискурсе постсоветского пространства сложились специфические речевые клише намека, содержащие редукцию рематического компонента сообщения. Относительная прозрачность подобных клише усиливает их конвенциональность, а высокий индекс повторяемости и прогнозируемости в дискурсе того или иного группового субъекта политики придает им характер ритуальности, сводя к минимуму усилия по расшифровке.

Так, в начале становления государственности Таджикистана намек используется как средство описания оппозиции: «**определенные силы** подвели наш народ к национальной катастрофе, развернули на древней таджикской земле братоубийственную войну» [Рахмонов, 2004, т. 1, 5]; «**несколько амбициозных людей**, не добившись законным путем власти, надели на себя маски защитников демократии, свободы нации, счастья народа, ислама» [там же, 34]. «Как вы знаете, в республике были **люди**, которые стремились к тому, чтобы Таджикистан имел отношения только с соседними и фарсиязычными государствами. **Другая группа**, наоборот, считала, что Таджикистан должен сотрудничать только с западными странами» [там же]. Делается указание на знание слушателей: «Кто стремился к власти, и каким путем добивался ее, **вы прекрасно знаете**» [там же, 5]. Отметим широкое использование кванторов неопределенности: *несколько, определенные*; имен с неопределенной референцией: *другая группа*. Указанные маркеры категории прогностичности вовлекают адресата (народ) в процесс разгадывания, дают понять, что в его здравом смысле не сомневаются, хотя по сути разгадывать здесь нечего. Тем не менее «угадавший» адресат доволен, и потому с меньшей критичностью относится к посылам речитора.

Ослабление позиций оппозиции привело к тому, что данный прием стал использоваться во внешней политике: «На фоне политико-социальных изменений в этом регионе активизируются **различные силы**, которые стремятся в создавшемся хаосе реализовать свои геополитические интересы» [Зарифи, 2011]; «Особая значимость этого с полной очевидностью осознаётся в начале XXI века, – в те дни, когда **более или менее влиятельные группировки** и круги целенаправленно, преследуя свои грязные цели, насаждают дух противостояния цивилизаций. В этом смысле ярким примером таких потуг являются своекорыстное использование чистого имени Ислама, искажение и опорочивание высших ценностей нашей светлой религии, в том числе в виде карикатур на Благороднейшего Пророка» [Дипломатия Таджикистана, 2009, 126]. Объектом имплицитной отсылки, косвенного прицана, становятся те или иные государства. Прагматический акт достигает своей цели, не обнаруживая коммуникативную интенцию явно.

Заключение

Неточность референции и референциальное манипулирование относятся к наиболее интересным свойствам политического дискурса, так как они являются феноменами, вступающими в видимое противоречие с миссией политического дискурса как такового, но вместе с тем они весьма влиятельны в прагматическом аспекте.

Эвфемизмы применяются для сокрытия правды об отрицательных сторонах денотата. Так, эвфемистично могут сообщаться новости об экономическом упадке в стране; просьба об экономической помощи. Крайняя бедность таджикского народа описывается в терминах предотвращения расточительства. Невозможность существенного повышения оплаты труда учителей спрятана за эвфемистичной формулировкой. Периодически официальный Таджикистан описывает ситуацию в стране в терминах полного оптимизма. Эвфемизация представляет собой стратегию вуалирования, затушевывания нежелательной информации, которая позволяет приглушить, сделать менее очевидными неприятные факты, и это в полной мере проявляется в предпринятой выборке цитат из записей политического дискурса Таджикистана.

Общая схема синекдохического эвфемизирования такова: Таджикистан не называется, но подразумевается при описании стран, которые остро нуждаются в помощи мирового сообщества. Умолчание названия страны является эвфемистическим ходом, рассчитанным на догадку. Говорить о бедности собственной страны стыдно и неприятно, однако если поставить ее в ряд ей подобных и указать на необходимость помощи беднейшим странам, то такая позиция выглядит более чем достойно.

В годы борьбы за власть дискурс Эмомали Рахмона отличался обилием дисфемизмов по отношению к оппозиции и развязанной ею гражданской войне. Современный официальный Таджикистан, с его политикой «открытых дверей», мало использует дисфемизацию, так как он потенциально не имеет противников, кроме «общемировых угроз» типа наркобизнеса, терроризма и т.д.

Библиография

1. Дипломатия Таджикистана. 2005. №12. 170 с.
2. Дипломатия Таджикистана. 2006. №15. 184 с.
3. Дипломатия Таджикистана. Ежегодник-2008. Душанбе, 2009. 222 с.
4. Дипломатия Таджикистана. Ежегодник-2008. Душанбе: Ирфон, 2010. 270 с.
5. Зарифи Х. Выступление Министра иностранных дел Республики Таджикистан на заседании Совета министров иностранных дел государств-членов ШОС (г. Алматы, 14 мая 2011 г.). URL: <http://www.mfa.tj/index.php?node=news&dt=&id=2653>
6. Михальская А.К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике. М.: Академия, 1996. 192 с.

7. Рахмонов Э. Независимость Таджикистана и возрождение нации: в 4-х тт. Душанбе: Ирфон, 2004.
8. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English language. Cambridge university press, 2001. 490 p.
9. Denton R. E. Jr., Woodward G. C. Political communication in America. New York: Praeger, 1985. 366 p.
10. Lakoff G. Metaphor, morality, and politics, or, why conservatives have left liberals in the dust // Social research. 1995. № 62 (3). P. 177-213.

Features of referential manipulation in the political discourse of modern Tajikistan

Rustam A. Usmonov

Doctor of philology,
rector of the Teachers Training Institute of the Sughd Region,
735700, 25 Sir Darya st., Khujand, Tajikistan;
e-mail: us.rustam59@mail.ru

Abstract

The article is devoted to such features of political discourse as inaccurate reference and referential manipulation on the example of discourse of official Tajikistan. The use of words of inaccurate semantics, due to their referential ambiguity, allows for a wide spread in interpretations, which makes it possible to form phantom pictures from lexeme data. Euphemisms are used to hide the truth about the negative sides of the de-notate. Thus, news about economic decline in the Tajikistan can be euphemistically informed, as far as the request for economic assistance. The extreme poverty of the Tajik people is described in terms of preventing wastefulness. Euphemization is a strategy to obscure undesirable information, which allows one to muffle the unpleasant facts, make them less obvious. The general scheme of the synecdoche euphemization is as follows: Tajikistan is implicit in describing countries that badly need the help of the world community. During the years of the power struggle, the discourse of Emomali Rahmon was marked by an abundance of dysphemism in relation to the opposition and the civil war unleashed by it. Modern official Tajikistan, with its policy of "open doors", uses little dishpemisation, since it has no potential enemies, except for "global threats" such as drug trafficking, terrorism, etc.

For citation

Usmonov R.A. (2016) Osobennosti referentsial'nogo manipulirovaniya v sovremennom politicheskom diskurse Tadjikistana [Features of referential manipulation in the political discourse of modern Tajikistan]. *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [Language. Philology. Culture], 7 (4-5), pp. 28-38.

Keywords

Language, politics, political linguistics, political discourse, euphemism, dysphemization, mystery, hint, Tajik politics.

References

1. Crystal D. (2001) *The Cambridge encyclopedia of the English language*. Cambridge University Press.
2. Denton R.E Jr., Woodward G.C. (1985) *Political Communication in America*. New York: Praeger.
3. *Diplomatiya Tadjikistana* [Diplomacy of Tajikistan] (2005), 12.
4. *Diplomatiya Tadjikistana* [Diplomacy of Tajikistan] (2006), 15.
5. *Diplomatiya Tadjikistana. Ezhegodnik-2008* [Diplomacy of Tajikistan. Yearbook-2008] (2009). Dushanbe.
6. *Diplomatiya Tadjikistana. Ezhegodnik-2008* [Diplomacy of Tajikistan. Yearbook-2008] (2010). Dushanbe: Irfon Publ.
7. Lakoff G. (1995) Metaphor, morality, and politics, or, why conservatives have left liberals in the dust. *Social research*, 62 (3), pp. 177-213.
8. Mikhal'skaya A.K. (1996) *Russkii Sokrat: Lektsii po sravnitel'no-istoricheskoi ritorike* [Russian Socrat: Lectures on comparative historical rhetoric]. Moscow: Akademiya Publ.
9. Rakhmonov E. (2004) *Nezavisimost' Tadjikistana i vozrozhdenie natsii* [Independence of Tajikistan and the rebirth of the nation]: in 4 vols. Dushanbe: Irfon Publ.
10. Zarifi Kh. (2011) *Vystuplenie Ministra inostrannykh del Respubliki Tadjikistan na zasedanii Soveta ministrov inostrannykh del gosudarstv-chlenov ShOS (Almaty, 14 maya)* [Statement by the Minister of Foreign Affairs of the Republic of Tajikistan at the meeting of the Council of Foreign Ministers of the SCO member states (Almaty, May 14)]. Available at: <http://www.mfa.tj/index.php?node=news&dt=&id=2653> [Accessed 13/01/2017].